

Дискуссия через океан

В статье продолжается обсуждение методологических и этических проблем биографических исследований и познания через действие, начатое на страницах журнала в 2011 году.

Ключевые слова: жизненный опыт, научный этос, право на умолчание, "драматическая социология", познание действием, этика наблюдающего участия, социолог-испытатель.

Дмитрий Шалин
профессор Университета Невады (Лас-Вегас)
Андрей Алексеев
кандидат филос. наук, независимый исследователь

Зримые результаты "незримого колледжа". Со временем мне хотелось бы написать обстоятельную статью под таким заголовком, а сейчас — только обращаю внимание читателей журнала на публикуемые ниже небольшие заметки Дмитрия Шалина и Андрея Алексеева. Вообще говоря, авторы этих материалов не нуждаются в представлении, ибо каждым из них написано много, и они — постоянные авторы "Телескопа". Появление данной преамбулы объясняется лишь моим стремлением несколько конкретизировать утверждение, с которого начинается этот текст.

"Зримые результаты" — это моя интерпретация содержания статьи Михаила Илле и Константина Дивисенко, написанной в связи 15-летием "Телескопа" ("Телескоп", 2012, №1). Проведенный ими статистический анализ опубликованного в журнале за последние пять лет, в частности, фиксирует тот факт, что среди тематических рубрик лидирующие места занимают: "современная история российской социологии" и "методология и методы", а в географическом отношении — заметны авторы, проживающие в Петербурге и в США. Можно утверждать, что значительный вклад в развитие обоих предметных департаментов журнала внесен представителями "незримого колледжа", к тому же они в полной мере образуют корпус американских авторов и в определенной степени "наполняют" петербургскую страту публикующихся в журнале.

Что касается собственно "незримого колледжа", то имеется в виду неформальная группа социологов, объединенных интересом к истории современной советской / российской социологии и к биографическому методу, а также стремлением к открытому, неформализованному обмену мнениями по возникающим при этом исследовательским проблемам. "Ядро" данной общности составляют А. Алексеев, Б. Докторов и Д. Шалин. Среди участников "колледжа", активно обсуждающих методологические, методические и этические аспекты историко-социологических поисков, назову: Э. Беляева, А. Готлиб, Л. Козлову, Н. Мазлумянову, Б. Фирсова, В. Шляпентоха и В. Ядова.

Заметки Шалина и Алексеева имеют самостоятельное значение, так как углубляют наше видение различных подходов к исследованию недавнего прошлого отечественной социологии, точнее — это спор о технологии и этике активистской, или акционистской социологии, понимаемых авторами существенно по-разному. Их дискуссия представляет особый интерес, поскольку, обсуждая довольно общие вопросы, они обращаются к личному жизненному опыту. Вместе с тем их позиции обрастают новыми смыслами при их погружении в контекст мнений других участников "незримого колледжа" ("Телескоп": 2011, № 3, 4, 5, 6; 2012, №1).

Борис Докторов

Проблемы этики натурального эксперимента: Ответ Андрею Алексееву

Дмитрий Шалин

С Андреем Алексеевым у нас идет давний разговор по проблемам биографических методов исследования и истории российской социологии. В прошлом году я напечатал работу "В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина", где коснулся этики натурального эксперимента в работах моего коллеги [1]. Алексеев откликнулся на мои заметки развернутой статьей [2], и мне бы хотелось вкратце ответить на его критику.

Прежде всего, хочу поблагодарить Андрея за высокую оценку моих скромных достижений. Мои работы достаточно широко известны в узких кругах интеракционистской социологии, меньше в среде русистов и философов-прагматистов, и совсем мало в социологическом мейнстриме США. Но доброе слово, как известно, и кошке приятно.

Действительно, большую часть своей жизни я живу в Америке (родился в 1947, уехал из России в 1975 г.), писать по-русски приходилось мало, но сейчас я активно переосваиваю родной язык. Вполне возможно, что я потерял чувство реальности, и мои соображения по поводу этических проблем натурального эксперимента поставленного Андреем Алексеевым не акту-

альны в российском контексте.

В эксперименте, изложенном в его книге "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" [3], Алексеев сообразовывался с нормами времени, ставил в известность своих коллег о его ходе, и, надо полагать, возражений у специалистов из Института социально-экономических проблем не возникло. Эксперимент включенного наблюдателя на ленинградском заводе требовал неразглашения его статуса как социолога (не мог же Алексеев сказать товарищам по цеху, что ведет протоколы заводских событий, что он собирается придать их гласности, и затем просить участников дать согласие на проведение эксперимента). Я понимаю, как трудно было бы через много лет разыскать участников событий описанных в "Драматической социологии" и просить их прокомментировать соответствующие места книги. Насколько я знаю, в России и по сей день нет организации, охраняющей права субъектов социологических исследований, тем более их не было в 80-ых (в Америке при каждом университете есть совет по охране прав субъектов исследований). Так что, претензий лично к Алексееву у меня нет. Есть вопросы по существу проблемы.

Несколько замечаний о критике в мой адрес.

Назвать "гражданской казнью" собрание в ленинградских секторах Института социологических исследований АН СССР (ИСИ)¹, где меня исключали из комсомола, и, правда, перехлест, хотя я его таким ощущал в тот момент. Термин скорее применим к тем, кто оставался в России после подобного собрания, и как я писал Алексееву ранее, "тем более нравственным был избранный ими путь". Что касается существа дела, то процедура собрания была отчасти фарсом, отрететированным с близкими людьми, отчасти подлинной "церемонией деградации" (как ее определял Гарольд Гарфинкель). Большинство участников этой церемонии, включая партсекретаря института, мне были малоизвестны или совсем неизвестны, и осуждали они меня вполне искренне. О "корыстных" мотивах судить не берусь.

Я действительно ошибся с годом рождения Павла Буторина, сотруднику ИСИ, эмигрировавшему из Советского Союза. В 1974 году ему было около 27 лет, и у него оставался еще один год пребывания в комсомоле, а не три, как я писал в своих заметках о нарративной идентичности. Я обратил внимание на эту ошибку еще до публикации, но когда спохватился, статья уже пошла в печать и исправлять ее было поздно.

На момент собрания у меня был месяц до автоматического выбывания из комсомола в 28 лет, но это мало, что меняло. Я не мог, как полагает Алексеев, "выбыть из комсомола и автоматически, без мало приятной — как для него, так и для его коллег — процедуры исключения". ОВИР требовал характеристику с последнего места постоянной работы и, отложив подачу заявления на несколько месяцев, я все равно бы не избежал публичного ostracism в ИСИ. Эдуард Беляев, мой коллега по ИСИ также уехавший из советского Союза [4], выбыл из комсомола на момент подачи заявления на выезд и уволился задолго до выезда, тем не менее, он обязан был присутствовать на собрании института, где его клеймили позором по той же схеме.

В статье о нарративной идентичности я обратил внимание на то, что Алексеев говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие. У меня была сноска на эту тему, но она исчезла из текста публикации. Не знаю, как это произошло, о решении ее убрать меня не уведомили. Тем не менее, Андрей видел эту сноску и оценил ее как бестактную, о чем писал в своем ответе, хотя в печатном варианте моей статьи сноски нет. В общем виде, вопрос, который я поднял, мне представляется законным — какие сферы жизни и события исключаются из автобиографического повествования и почему? Тем не менее, я готов согласиться, что поднять эту тему было бы тактичнее без указания на конкретные лица.

Как заметил Алексеев, моя приблизительная оценка общего числа купюр в Драматической социологии на порядок отличалась от реальности. Не уверен, что это снимает проблему обоснованности изъятий из документов. В каждой ситуации, о которой идет речь в книге, автор подмечал одни детали и пропускал другие. Из замеченного что-то протоколировалось и что-то оставалось за кадром. Из записей для памяти извлекалось значимое и опускалось менее существенное, не относящееся к делу, деликатное. Здесь не исключена возможность систематической ошибки. Если со временем протоколы жизни Андрея Алексеева станут достоянием гласности, то редакторский процесс можно будет отретерсировать, вычислив его общий вектор. Сложнее дело обстоит с незафреймованной реальностью. Чтобы лучше понять, что же произошло на самом деле, имеет смысл опросить разных участников событий. Вот почему биокритик и дает возможность всем включиться в реконструкцию реальности.

Когда Алексеев готовил рукопись книги, он предоставил

некоторым участникам описываемых событий возможность ответить на авторскую критику и дать альтернативную версию. У меня осталось впечатление, что это были люди ему симпатичные. Тем же, кому он не симпатизировал и кого резко критиковал, он такой возможности не предоставил. Думаю, что во многих случаях у него были на то веские основания, но не во всех. Критерии решения данного вопроса — кого из участников событий следует познакомить с рукописью и пригласить ответить на критику — в "Драматической социологии" не обсуждались.

Действительно, социологи-эмигранты могут быть недостаточно критичными в оценке своего выбора и тенденциозны в оценке поведения коллег, оставшихся в России. Я согласен и с Алексеевым и в том, что решение стать эмигрантом, диссидентом или остаться академическим ученым в СССР не может быть основанием моральных оценок. Пространства для честного расхождения во мнениях здесь более чем достаточно. Замечу, что в своей полемике с коллегами по эмиграции и соратниками по проекту "Международная биографическая инициатива" [5] я не чужаюсь обсуждения проблематичных аспектов их и моих взглядов. Тут важен такт, чувство меры. Не мне судить, насколько мне удалось остаться в рамках приличия, но полагаю, что у меня здесь возможны проколы. В таких случаях особенно полезна критика коллег, примером которой является статья Алексеева.

Интересно замечание Алексева об ответственности биокритика за публикацию материалов, указывающих на нестыковку биоинтервью и других свидетельств и документов. Текст своих интервью я согласовываю с респондентами, которые могут перекроить его по своему усмотрению. Но тут встает вопрос, как быть с результатами обратного редактирования, если биокритический анализ выявляет несогласование поведения, слова и эмоций респондента. Живому респонденту я даю возможность ответить на биокритику критикой интерпретатора и автобиографической. В случае смерти последнего я ищу людей, хорошо знавших человека и способных предложить альтернативные толкования событий. Диалогические установки биокритической герменевтики предполагают процесс реконструкции, у которого в принципе нет конца. Процесс этот может продолжаться и в последующих поколениях, у которых под рукой могут оказаться дополнительные материалы и новые системы отчета — теоретические, методологические, этические.

Ситуация натурального эксперимента и наблюдающего участия иная. Наблюдатель и его объекты находятся в неравных условиях, поскольку у последних не только нет возможности предложить свою версию событий и ответить на критику социолога, но и отсутствует сознание факта, что они вовлечены в эксперимент. У мемуариста есть право распоряжаться своими воспоминаниями по своему усмотрению. Журналисту нужно быть более осторожным, в каких-то случаях сохранения конфиденциальности источников. К социологу требования жестче, особенно когда он экспериментирует с людьми без их ведома. Действия социолога-наладчика во время эксперимента, решение придать гласности его результаты без согласия участников и с полной расшифровкой их имен могут не только нанести ущерб их репутации, но и поставить под угрозу их профессиональное существование. Тут у меня больше вопросов, чем ответов (последнее свойство можно рассматривать как характеристику биокритики), и я согласен, что общими правилами здесь не ограничешься. Но вынести этот вопрос на обсуждение стоит, что я и пытался сделать в своих заметках о нарративной идентичности.

Еще раз хочу поблагодарить Андрея Алексева за дружескую критику. Надеюсь на продолжение диалога.

¹ После моего увольнения они вошли в состав Института социально-экономических проблем АН СССР

1. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №3. С. 13-23.
2. Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5. С. 21-29 <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf>.
3. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4-х т. СПб.: Норма. Том 1, 2. 2003; Норма. Том 3, 4. 2005

<<http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>>.

4. Беляев Э.В.: "Естественно-научные и социальные интересы — определяющая черта моей личности" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, №3. С. 2-12

<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html>.

5. "Международная биографическая инициатива". Форум: биографика, социология и история. Протокол № 2-2. Биография и биокритика. С. 62-63

<http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf>.

Защита наблюдающего участника

Андрей Алексеев

Борис Докторов прислал мне реплику Дмитрия Шалина на мою статью, опубликованную осенью прошлого года в "Телескопе" [1], сообщив, что ее публикация предполагается в № 2 за 2012 г.

Читаю — вроде что-то знакомое; пока не сообразил, что это — из нашей сентябрьской (2011 г.) переписки в рамках дискуссии "Биография и биокритика" на форуме "Биографика, социология и история", представленной на сайте "Международная биографическая инициатива" (МБИ) [2]. Автор (Д. Шалин) подверг свой текст минимальной стилистической правке, по содержанию же — никаких отличий.

Разыскал я, на том же сайте, и свой тогдашний ответ на письмо коллеги, который в равной мере может служить ответом и на ныне предложенный Д. Шалиным "Телескопу" текст. Ниже воспроизведу этот ответ.

Уважаемый Дмитрий!

Мои занятия оформлением очередного протокола нашего форума "Биографика, социология и история" отсрочили ответ на Ваше лично-публичное письмо от 25.09.2009. Вот, от групповой дискуссии перейдем к персональной.

Поскольку мое письмо, как и Ваше, имеет характер "открытого", т. е. Вы не единственный его читатель, напомню: Ваша статья "В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина", опубликованная исходно на сайте Проекта МБИ, а затем в "Телескопе" [3], дала повод для моего развернутого комментария — статьи "На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)", сначала также опубликованной на сайте МБИ, и которая вот-вот появится на страницах "Телескопа" (БД: в настоящее время указанная статья уже опубликована [1]). Как отмечено в аннотации, эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в Вашей работе "В поисках нарративной идентичности...". "Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые — вызывают сомнение или даже опровержение" [1, С. 21].

Ваше письмо от 25.09.2011 является откликом на эту последнюю статью, вошедшую и в нашу групповую дискуссию, ну а мое нынешнее — продолжением этого разговора.

Вообще-то в контексте нашего форума и дискуссии о "незримом колледже", биографических интервью, биографии и биокритике, соответственно, благодаря этому форуму, разногласий между нами осталось не так уж много, хоть есть среди них и принципиальные. Я остановлюсь только на этих разногласиях, опуская все моменты изначального или достигнутого консенсуса.

Речь пойдет в основном о книге А. Алексеева "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" [4], давшей

Вам повод для пристрастного оппонирования.

1) Судя по тому, что Вы пишете, для Вас мой так называемый "эксперимент социолога-рабочего" 80-х гг. прошлого века есть "эксперимент включенного наблюдения". Последнее к экспериментам, строго говоря, не относится (разве что в очень широком смысле). Но дело даже не в этом. В том-то и дело, что это вовсе не было "включенным наблюдением" (при котором статус социолога не разглашается и т. п.). Ни от кого в цехе или на заводе не скрывалось прежнее место работы новичка (ну, и не афишировалось, впрочем), а сама логика "познания действием" (то, что скромнее называется наблюдающим участием) охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес.

(И мои "протоколы заводских коллизий", впрочем, выполненные в оригинальном жанре "технологических замечаний", служебных записок цеховому или заводскому начальству, заметок в заводской газете и даже писем-дневников-отчетов друзьям, не были потаенными — еще и до того, как последние стали предметом идеологических инвектив).

Этому различию "мимикрирующей" и "акционистской" (а также, отчасти, и моделирующей) исследовательских стратегий посвящено много страниц "Драматической социологии...", начиная с первых же глав. Жаль, что данное обстоятельство осталось Вами не замеченным. Однако не заметили этой разницы, Вы, возможно, потому, что она и впрямь не укладывается в сложившиеся традиции и нормативы академической (или университетской) науки, к которой Вы безусловно принадлежите, чего обо мне сказать нельзя.

2) С учетом сказанного выше, не существовало для "социолога-испытателя" и проблемы получения от своих товарищей по работе (не говоря уж о непосредственных или высокопоставленных начальниках) согласия на проведение "с ними" (sic!) натурального эксперимента. Кстати сказать, есть какое-то логическое противоречие между Вашим предположением о "неразглашении статуса" и требованием "согласования с участниками". Тут уж — что-нибудь одно. Ну, какое может быть предварительное "получение разрешения" на то, что составляет самый "образ жизни", предмет повседневной деловой и / или этической практики субъекта, пусть даже в этой практике и есть когнитивная составляющая?

Что касается поиска участников событий, описанных в "Драматической социологии...", постфактум (не очень понятно — разыскивать их до или после опубликования?), так на то и гласность. Кто-то — уже тогда сам "нашелся" и откликнулся, кому-то это безразлично, а кто-то, может, и был задет, да предпочел промолчать.

Это все притом, что — настаиваю! — натуральный эксперимент внедрения новой технологии, новых принципов "вынуж-